

Я уставилась на него, и он поспешно поправился: «Кто в наше время не умеет танцевать? Только ты одна такая неуклюжая: верховая езда твоя — сущее мучение, а танцы и вовсе превращаются в балаган. Тебе бы поучиться у других, да и Вэй Хуань, такая смышлёная, тоже с тобой дурачится. Мы смотрим на тебя как на ребёнка и не придаём значения, но что будет, когда ты выйдешь замуж? Представь, как станешь плясать перед свёкром и свекровью на их дне рождения? Весь город будет только об этом и говорить!»

Я тут же вспыхнула: «Что за разговоры о замужестве? Разве я перестану быть принцессой, выйдя замуж? Неужели мне придётся жить, угождая другим, и плясками перед свекровью завоёвывать место под солнцем? Ты мой брат — и так не желаешь мне добра?»

Он понял, что переступил черту, и понизил голос: «Я не то имел в виду... Просто наши братья и дяди редко приезжают в столицу и уж точно будут из кожи вон лезть, чтобы угодить отцу. Мы разве можем оказаться хуже? Просто немного поучись, чтобы мы могли блеснуть перед отцом, получить награду — и нам будет чем гордиться».

С тех пор как он обрёл собственный дворец, он стал куда более высокомерным и редко так униженно просил меня. Его мягкость заставила меня смягчиться, и я ответила: «Учиться танцам — не проблема. Но давай каждый будет заниматься у себя, а потом просто синхронизируемся под музыку. Даже если получится не идеально, это всё равно лучше, чем тебе бегать в задние покои, будоража всякие пересуды».

Ли Жуй замялся, и по его лицу я сразу поняла, что он об этом даже не задумывался. Вчерашние грустные мысли мгновенно рассеялись, и я с усмешкой сказала: «Ты вечно переживаешь о ерунде, а о главном даже не думаешь. И ещё смеешь меня упрекать!»

Ли Жуй не нашёлся, что ответить, и только уставился на меня. Щёки его слегка надулись, и в нём снова проступила прежняя детская непосредственность, которая мне так нравилась. Я скорчила ему гримасу: «Ну что, я права? Ладно, ступай в свой дворец учить танцы, а я сегодня с Вэй Хуань отправляюсь на конную прогулку. Когда выберешь танец — дай знать, я тогда найму учителя». С этими словами я взобралась в паланкин и, прежде чем его подняли, обернулась. Увидев, что он всё ещё смотрит мне вслед, я помахала ему рукой и велела слугам нести меня обратно.

Вэй Хуань, заметив моё сияющее лицо, сразу же спросила: «Опять дразнила наставника? Улыбка-то у тебя какая-то хитрая». Я заранее предупредила её, и она уже переоделась в костюм ху. Она всегда выглядела прекрасно, но в этом наряде была особенно хороша. Золотая островерхая шапка хунто заставила моё сердце трепетать, и я тоже потребовала себе костюм ху: «Эта одежда удобна для верховой езды, я тоже хочу её надеть».

Вэй Хуань не согласилась: «Это одежда для нас, слуг, чтобы было удобно двигаться. У госпожи есть специальный костюм для игры в мяч и для верховой езды, зачем вам это?»

Я возразила: «А Дугу Шао разве не носит часто костюм ху? Почему ты ей ничего не говоришь?» — и заставила служанок принести её одежду. Надела узкий кафтан с тесными рукавами, полосатые шёлковые штаны и мягкие сапоги, водрузила на голову шапку хунто и покружилась перед ней: «Ну как, красиво?» Облачившись в этот наряд, я вспомнила кое-что важное, подошла поближе и с улыбкой спросила: «А-Хуань, мы с шестым брателем решили выучить танец, чтобы выступить с ним перед родителями на праздничном пиру. Как думаешь, хорошо вышло?»

Вэй Хуань захлопала в ладоши: «Прекрасно! Тебе давно пора».

Я добавила: «Но одной мне учиться скучно, что делать?»

Вэй Хуань предложила: «Найди кого-нибудь, кто будет учиться с тобой».

Я сказала: «Только близкого человека, иначе неинтересно».

Вэй Хуань ответила: «Это несложно, позови тех, кто постоянно при тебе».

Я, видя, что она не понимает, с улыбкой объяснила: «Но они все хорошо танцуют. Если мы будем учиться вместе, они быстро всё освоят, а я буду отставать — и мне станет обидно».

Вэй Хуань взглянула на меня: «Тогда пусть они нарочно танцуют неуклюже».

Я возразила: «Какая же в этом радость? Нужно найти того, кто совсем не умеет, чтобы учиться с самого начала. Так будет проще: какие трудности возникнут — все вместе обсудим, да и учителю будет легче».

Вэй Хуань сказала: «Где найти такого, кто и танцевать не умеет, и тебе близок, и не будет тебе в тягость? Лучше просто выбери нескольких неумех, пусть побольше с тобой общаются — вот и станут ближе».

Я, видя, что она всё ещё не догадывается, прямо сказала: «Не нужно искать далеко. Вот же она, прямо передо мной».

Вэй Хуань приподняла бровь, а я лишь сладко улыбнулась в ответ. Она вдруг всё поняла и нахмурилась: «Я...»

Боясь, что она откажется, я поспешно затараторила: «Я же не заставляю тебя танцевать со мной на людях! Просто побудь рядом, пока я учусь. Четвёртый брат вот-вот придёт, времени в обрез, искать кого-то другого уже не успеть. Ну пожалуйста, позанимайся со мной!» В конце я невольно перешла на тот капризный тон, которым говорила с родителями. Она сердито посмотрела на меня: «Говори нормально! Ты уже взрослая, не позорься».

Я, видя, что ей это не по нраву, ещё более слащавым голосом принялась упрашивать: «Ну так ты согласна?»

Она с отвращением глянула на меня, отошла на несколько шагов и бросила издалека: «Согласна. Но я только буду рядом. Сама я эти жеманные телодвижения делать не стану».

Мне было достаточно и её согласия, и я радостно закивала: «Хорошо, хорошо! Будешь стоять как столб, пока я учусь, — тебе и танцевать не придётся». Разумеется, парный танец требует взаимодействия, и если один партнёр стоит столбом, другой ничего не сможет исполнить. Но об этом я ей пока умолчу.

После возвращения в дворец Лоян Тяньхоу наконец прислала награду — всего-навсего несколько отрезов шёлка, да и те в малом количестве и самого заурядного качества.

Вэй Хуань, увидев столь скудную награду, поняла, что дело, судя по всему, замяли. Она вздохнула, и в душе её шевельнулась тень несправедливости по отношению к Тайпин. Однако, коль скоро Тяньхоу уже вынесла решение, Вэй Хуань, сознавая свою ничтожность, могла лишь смиренно принять дары и вместе со всеми отправиться благодарить за милость.

По своему статусу они не имели права на личную аудиенцию. Шангуань Цайжэнь вышла к ним

от имени Тяньхоу, и все присутствующие были несказанно благодарны. Поклонившись до земли и воздав хвалу священной особе, они поднялись и принялись осыпать Цайжэнь льстивыми речами. Вэй Хуань не была исключением: она подошла ближе, собираясь произнести несколько любезностей, как вдруг Цайжэнь назвала её по имени: «Вэй Сынян, задержись. Мне нужно с тобой поговорить». Она незаметно сделала шаг в сторону. Вэй Хуань, поняв намёк, последовала за ней, присела в почтительном поклоне и почтительно промолвила: «Что прикажете, Цайжэнь?»

Шангуань Ваньэр не ответила сразу. Лишь дождавшись, когда все удалятся, она обернулась: «Тебя требует Ваше Величество». С этими словами она повела Вэй Хуань в обход главного входа, через боковую дверь в небольшую приёмную. В комнате стояло лишь одно ложе, покрытое парчовым одеялом и циновкой из перьев феникса. На низком столике с изогнутыми ножками не было ни книг, ни докладов — только маленькая золотая курильница в виде дракона-куй. Благовония внутри, казалось, догорали, и струйка дыма была уже столь слаба, что лишь изредка показывалась над курильницей, чтобы тут же исчезнуть.

В покоях было тепло и благоухало.

Тяньхоу и Тайпин, хоть и были матерью и дочерью, имели в убранстве покоев вкусы совершенно противоположные. Тайпин любила простоту в одежде, не терпела обилия узоров, предпочитала лаконичность в убранстве, а комнаты её были чем пустее — тем лучше. От благовоний она требовала лёгкости, терпеть не могла приторных, тяжёлых ароматов, отдавая предпочтение свежим травяным или лекарственным запахам. Тяньхоу же обожала пышные наряды: даже следуя воле Государа и избегая излишней роскоши, она выбирала яркие цвета. В её покоях утварь была хоть и не в избытке, но каждая вещь — невероятно ценна и изысканна. Благовония курились постоянно, и запах их должен был быть густым и дурманящим. Разумеется, вкус Тяньхоу как раз и был тем, что почиталось в обществе, тогда как пристрастия Ли Тайпин были скорее исключением.

Шангуань Ваньэр остановилась в пяти шагах от ложа и отошла в сторону. Вэй Хуань поспешила поклониться у неё за спиной, почтительно произнеся: «Приветствую Ваше Величество». Заметив, что в покоях почти нет прислужников, она слегка занервничала: сгорбилась, опустила голову как можно ниже и устремила взгляд в пол, не смея даже мельком взглянуть вокруг.

<http://bllate.org/book/16278/1466526>